

ПРИХОТИ МАРИАННЫ

Комедия в двух действиях

1833

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Клаудио, судья.

Челио.

Оттавио.

Тибиа, слуга Клаудио.

Пиппо, слуга Челио.

Мальволио, мажордом Гермни.

Слуга в трактире.

Марианна, жена Клаудио.

Гермни, мать Челио.

Чюта, старуха.

Слуги.

Действие происходит в Неаполе.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

УЛИЦА ПЕРЕД ДОМОМ КЛАУДИО.

Марианна выходит из своего дома с молитвенником в руке.

Чюта подходит к ней.

Чюта. Красавица, можно ли сказать вам словечко?

Марианна. Что вам надо от меня?

Чюта. Юноша, живущий в этом городе, безумно влюблен в вас. Уже целый месяц он тщетно ищет случая сказать вам это. Имя его Челио; он знатного рода и хорош собою.

Марианна. Довольно. Скажите тому, кто послал вас, что он попусту старается и только тратит время и что если

от его имени ко мне еще раз посмеют обратиться с такими речами, я сообщу об этом моему мужу. (*Уходит.*)

Челлио (*входит*). Ну что, Чпута, что она тебе сказала?

Чпута. Набожна и надменна, как пикогда. Говорит, что скажет мужу, если ее не оставят в покое.

Челлио. О я несчастный! Мне остается умереть. О, самая жестокая из всех женщин! А ты что посоветуешь мне, Чпута? К какому средству мне прибегнуть?

Чпута. Прежде всего советую вам уйти отсюда: следом за ней идет ее муж.

Уходят. Входят Клаудио и Тибиа.

Клаудио. Ведь ты — преданный мне слуга, верный мой лакей? Знай, что я должен мстить за оскорбление.

Тибиа. Вы, сеньор?

Клаудио. Да, я; ведь эти наглые гитары не переставая рокочут под окнами моей жены. Но, терпение! Дело еще не кончено. Слушай-ка, поди сюда; там — люди; они могут нас услышать. Сегодня вечером ты приведешь того браво, о котором я говорил с тобой.

Тибиа. Зачем?

Клаудио. Я думаю, что у Марнанны есть любовники.

Тибиа. Вы так думаете, сеньор?

Клаудио. Да, вокруг моего дома пахнет любовью; ведь так, попросту, никто не станет здесь ходить, здесь все кишит гитарами и своднями.

Тибиа. Но разве вы можете запретить, чтобы в честь вашей жены пели серенады?

Клаудио. Нет, но я могу поставить человека у потайного входа, и он избавит меня от всякого, кто посмеет войти.

Тибиа. О, у вашей жены нет любовников, ведь это то же, как если бы вы сказали, что у меня есть любовницы.

Клаудио. А почему бы им не быть? Ты весьма уродлив, но очень умен.

Тибиа. Не спорю, не спорю.

Клаудио. Вот видишь, Тибиа, ты и сам не споришь; сомнениям больше нет места, и я опозорен в глазах всего света.

Тибиа. Почему же в глазах всего света?

Клаудио. Говорю тебе, что в глазах всего света.

Тибиа. Но, сеньор, жена ваша по всему городу слывет твердыней добродетели; она не видится ни с кем; из дома она выходит только к обедне.

Клаудио. Не мешай мне. Я вне себя от гнева; и это — после всех подарков, которые она получила от меня. Да,

Тибна, от отчаянья я сейчас замышляю страшное дело, и сам готов умереть с горя.

Тибна. Да нет, ну что вы!

Клаудио. Когда я что-нибудь говорю тебе, изволь верить.

Уходят.

Челио (*возвращается*). Горе тому, кто во цвете юности отдается во власть безнадежной любви! Горе тому, кто предается сладостным мечтаниям, не зная, куда влечет его химера, и будет ли он вознагражден взаимностью! Убаюканный, нежась в челне, он понемногу удаляется от берега; он видит вдали зачарованные равнины, зеленые луга и легчайший мирраж своего Эльдорадо. Ветры безмолвно завлекают его, а когда действительность его пробуждает, он так же далек от цели, к которой стремится, как от берега, который он покинул; он не может ни продолжать свой путь, ни вернуться назад.

Слышится музыка.

Что за маскарад? Не Оттавио ли это?

Входит Оттавио.

Оттавио. Как чувствует себя, мой дорогой сеньор, ваша сладостная меланхолия?

Челио. Оттавио, не безумец ли ты, твои щеки покрыты слоем румян! Где ты взял этот наряд? Не стыдно ли тебе — среди белого дня?

Оттавио. О Челио, не безумец ли ты! Твои щеки покрыты слоем белил! Где ты взял этот широкий черный плащ? Не стыдно ли тебе — в самый разгар карнавала?

Челио. Что за жизнь ты ведешь! Ты пьян — или я сам пьян.

Оттавио. Ты без ума, или я сам без ума.

Челио. Более чем когда бы то ни было от прекрасной Маррианны.

Оттавио. Более чем когда бы то ни было — от кипрского вина.

Челио. Я шел к тебе и тебя же встречаю.

Оттавио. И я также шел к себе. Как поживает мой дом? Я уже неделю не видался с ним.

Челио. Я буду просить тебя об услуге.

Оттавио. Говори, Челио, дорогое дитя мое. Тебе надо денег? — У меня их больше нет. Тебе нужны советы? — Я нынче. Нужна тебе моя шпага? — Вот сабля арлекина. Говори же, говори, располагай мною.

Челио. Сколько же это будет продолжаться? Целую неделю не возвращаться домой! Ты же убьешь себя, Оттавио.

Оттавио. Друг мой, я никогда не убью себя собственной рукой, никогда; я скорее готов умереть, чем покуситься на жизнь свою.

Челио. А разве жизнь, которую ты ведешь, — не самоубийство?

Оттавио. Представь себе капатоходца в башмаках, расшитых серебром, с шестом в руке, висящего между небом и землей; со всех сторон — старые сморщенные рожи, толстые и бледные призраки, ловкие кредиторы, родственники и куртизанки, целая толпа чудовищ цепляется за его плащ, чтобы заставить его потерять равновесие; напыщенные фразы, громкие слова в роскошной оправе так и скачут вокруг него; рой зловещих предсказаний своими черными крыльями застилает свет в его глазах. Он легкой поступью продолжает свой путь с востока на запад. Если он посмотрит вниз — закружится голова, посмотрит вверх — оступится. Он движется быстрее ветра, и руки, тянущиеся к нему со всех сторон, не заставят его пролить ни одной капли из чаши, которую он несет в руке. Вот моя жизнь, дорогой друг; пред тобой — мой верный портрет.

Челио. Какое счастье — быть безумцем!

Оттавио. Какое безумие — быть несчастным! Скажи-ка, чего тебе недостает?

Челио. Мне недостает покоя, той сладостной беспечности, которая превращает жизнь в зеркало, где все отражается, не оставляя следа. Деньги, взятые взаймы, уже терзают мою совесть. Любовь, которая вам служит времяпрепровождением, тревожит всю мою жизнь. О друг мой, ты никогда не будешь знать, что значит любить так, как люблю я! Мой рабочий кабинет заброшен; целый месяц, день и ночь, я блуждаю вокруг этого дома. Какое блаженство я испытываю, когда встает луна, а я привожу под сень этих низеньких деревьев, туда, в конец площади, скромный хор моих музыкантов, сам управляю им и слушаю, как они воспевают красоту Марианны! Ни разу не появлялась она у окна; ни разу не коснулось решетки окна ее прелестное чело.

Оттавио. Кто такая эта Марианна? Уж не моя ли это кузина?

Челио. Да, она, жена старого Клаудио.

Оттавио. Я никогда ее не видел, наверняка она моя кузина. И Клаудио подаром ее муж. Доверься мне, Челио.

Челио. Все средства, к которым я пытался прибегнуть, чтобы высказать ей мою любовь, были бесплодны. Она воспитана в монастыре; она любит своего мужа и чтит свой долг. Дверь ее закрыта для всех молодых людей нашего города, и никто не может приблизиться к Марианне.

Оттавио. Ба! А хороша она? Но я же и дурак: если ты ее любишь, не все ли равно? Что бы нам придумать?

Челио. Могу ли я говорить с тобой откровенно? Ты не будешь надо мной смеяться?

Оттавио. Не мешай мне смеяться над тобой и говори откровенно.

Челио. Тебя, как родственника, должны принимать в этом доме.

Оттавио. Должны принимать? Ничего не знаю на этот счет. Ну, предположим, что меня принимают. Сказать тебе по правде, существует большая разница между пучком спаржи и моей августейшей семьей. Мы не слишком-то тесно связаны друг с другом и поддерживаем отношения только путем писем. Все же Марианна знает мое имя. Надо ли мне замолвить за тебя слово?

Челио. Сколько раз я пытался заговорить с ней; сколько раз я чувствовал, приблизившись к ней, как подгибаются мои колени. Мне пришлось подослать к ней старуху Чиуту. Когда я вижу ее, у меня сжимается горло, и я задыхаюсь, как будто сердце мое рвется из груди.

Оттавио. Я испытывал это. Когда лапь приближается мелкими шажками, ступая по сухим листьям, и охотник слышит шорох кустов, которые она раздвигает своей трепетной грудью — точно легкий шелест платья, — сердце его невольно замирает; он безмолвно поднимает оружие, не двигаясь с места, не смея вздохнуть.

Челио. О, зачем я таков? Ведь издавна распутники утверждают, что все женщины похожи друг на друга? Почему же так редко одна любовь бывает похожа на другую? Право, я не мог бы любить эту женщину так, как любил бы ее ты, Оттавио, или как я любил бы другую. А что мы видим? Два синих глаза, алые губы, белое платье, белые ручки. Почему же то, что заставило бы тебя весело суетиться, то, что притягивало бы тебя, как магнит притягивает железо, оставляет меня печальным и равнодушным? Кто мог бы сказать: вот это весело, а то печально? Действительность — только призрак. Назови фантазией или безумием то, что ее одухотворяет. Но ведь тогда и сама красота — безумие! Каждый человек окутан прозрачной тканью, покрывающей его с головы до ног: ему кажется, что он видит леса и реки, божественно прекрасные лица, и вся природа расцветивается в его глазах бесконечными оттенками волшебного покрова. Помоги, помоги мне, Оттавио!

Оттавио. Мне нравится твоя любовь, Челио! Она проказничает у тебя в мозгу, как бутылка сиракузского. Дай руку, я тебе помогу. Погоди лишь минуту, ветер повеял мне в лицо, и я собираюсь с мыслями. Я знаю эту Марианну; она терпеть

меня не может, хотя не видала никогда. Она — тощая куколка и без конца бормочет свои Ave.

Челлио. Делай что хочешь, но не обмань меня, заклинаю! Меня легко обмануть; я не могу заподозрить другого в таком поступке, которого сам не мог бы совершить.

Оттавио. А если бы ты перебрался через стену сада?

Челлио. Между ею и мною — невидимая стена, через которую я не могу перебраться.

Оттавио. А если бы ты написал ей?

Челлио. Она рвет мои письма или отсылает мне их обратно.

Оттавио. А если бы ты полюбил другую? Пойдем к Розалинде.

Челлио. Жизнь моя принадлежит Марианне; одно лишь слово, слетевшее с ее уст, может разбить ее или воспламенить. Жить ради другой было бы для меня горше, чем умереть за нее; я добьюсь цели или умру. Тише! Вот она идет.

Оттавио. Уйди, я заговорю с ней.

Челлио. Что ты? В таком виде? Вытри лицо; ты же похож на сумасшедшего.

Оттавио. Ну, вот и готово. Пьянство и я, дорогой мой Челлио, мы слишком дороги друг другу, чтобы ссориться; оно исполняет мои желания, как я исполняю его волю. Не беспокойся; только школьник, попавший в дни каникул на торжественный обед и напившийся там, может терять голову и бороться с вином: пьянство у меня в природе; свобода — вот мой образ мыслей, в эту минуту я и с королем заговорил бы так же, как заговорю с твоей красавицей.

Челлио. Я не знаю, что со мной. Нет, не говори с ней!

Оттавио. Почему же?

Челлио. Не знаю, почему; мне кажется, ты обманешь меня.

Оттавио. Вот тебе моя рука. Клянусь тебе моей честью, что Марианна будет твоей или ничьей, если я в силах что-нибудь сделать.

Челлио уходит. Входит Марианна. Оттавио подходит к ней.

Не отворачивайтесь, о богиня красоты; коснитесь взглядом недостойнейшего среди ваших слуг.

Марианна. Кто вы?

Оттавио. Меня зовут Оттавио; я двоюродный брат вашего мужа.

Марианна. Вы пришли к нему? Войдите в дом, он сейчас придет.

Оттавио. Я пришел не к нему и не войду в дом из страха, что вы меня прогоните, как только я скажу вам, что привело меня сюда.

Марианна. Так вы можете этого не говорить и не задерживать меня дольше.

Оттавио. Не могу не сказать и умоляю вас остановиться и выслушать меня. Жестокая Марианна! Глаза ваши — причина злого недуга, и не ваши слова исцелят его. Что сделали вам Челлио?

Марианна. О ком вы говорите? Какой недуг?

Оттавио. Недуг самый жестокий, ибо нет надежды исцелить его; недуг самый страшный, ибо он сам себя лечит и отталкивает руку дружбы, подносящую ему целительную чашу; недуг, от которого бледнеют уста, когда их коснется яд, более сладостный, чем амврозия, и от которого потоком слез исходит сердце самое черствое, тая, точно жемчужина Клеопатры; недуг, который не могут облегчить все волшебные благовоения, вся человеческая мудрость; недуг, чья пища — дуновение ветра, аромат увядающей розы, припев какой-нибудь песни; недуг, который свои страдания черпает во всем, что окружает его, как пчела собирает мед со всех цветов сада.

Марианна. Не скажете ль вы мне, как называется этот недуг?

Оттавио. Пусть тот, кто достоин произнести это имя, назовет его; пусть скажут его вам грезы ваших ночей, эти цветы померанца, прохлада этих струй; если как-нибудь вечером вам захочется отгадать его, ваши уста его отыщут; не издав его, нельзя знать его имени.

Марианна. Неужели ж так опасно называть его, так страшно заразиться им, что даже уста его защитника скованы боязнью?

Оттавио. Неужели, сестра, оно так сладостно для слуха, что вы спрашиваете это имя? Вы научили ему Челлио.

Марианна. Это случилось помимо моей воли; я не знаю ни Челлио, ни имени недуга.

Оттавио. О, если бы вы узнали и Челлио и это имя — вот чего я желаю от всей души!

Марианна. Право?

Оттавио. Челлио — мой лучший друг; если бы я хотел возбудить в вас желание, я сказал бы, что он прекрасен как день, молод, знатен, и я не солгал бы; но я только хочу возбудить в вас жалость и скажу вам, что с того дня, как он увидел вас, он печален как смерть.

Марианна. Моя ль вина, что он печален?

Оттавио. Его ли вина, что вы прекрасны? Он думает только о вас; он бродит все время вокруг этого дома. Разве вы ни разу не слышали пения под вашими окнами? Разве вы ни разу не приоткрывали в полночь эти ставни и не приподнимали эту занавеску?

Марианна. Никому не возбраняется петь здесь вечером, и эта площадь принадлежит всем.

Оттавио. И всем позволено любить вас, но никто не смеет вам это сказать. Сколько лет вам, Марианна?

Марианна. Хорош вопрос! А хотя бы мне было всего лишь девятнадцать лет, что же из этого, по-вашему?

Оттавио. Значит, лет пять или шесть вы еще можете быть любимы, лет восемь или десять сможете любить сами, а потом можете молиться богу.

Марианна. Вот как? Ну что ж! Чтобы не терять времени попусту, я люблю Клаудио, вашего двоюродного брата и моего мужа.

Оттавио. Мой двоюродный брат и ваш муж вместе взятые всегда будут только смешным педантом; вы не любите Клаудио.

Марианна. И Челлио также; вы можете это ему передать.

Оттавио. Но почему?

Марианна. Почему бы не любить мне Клаудио? Это мой муж.

Оттавио. Почему бы не любить вам Челлио? Это ваш поклонник.

Марианна. Не скажете ль вы мне, почему я вас слушаю? Прощайте, сеньор Оттавио; эта шутка слишком затянулась. *(Уходит.)*

Оттавио. Клянусь, у нее прекрасные глаза! *(Уходит.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

В ДОМЕ ЧЕЛЛИО.

Гермия, несколько слуг, Мальволио.

Гермия. Расставьте эти цветы, как я приказала. Музыкантов позвали?

Слуга. Да, сеньора; они будут к ужину.

Гермия. Когда ставни закрыты, здесь слишком мрачно; пусть врывается свет, не пускайте лишь солнца! Больше цветов вокруг этого ложа! Хорош ли ужин? Придет ли паша прекрасная соседка графиня Перголи? В котором часу ушел мой сын?

Мальволио. Чтобы уйти, надо сперва вернуться. Он ночью не возвращался домой.

Гермия. Вы сами не знаете, что говорите. Он ужинал вчера вместе со мной и вместе со мной вернулся. Снесли ли в его рабочий кабинет картину, которую я кушила нынче утром?

Мальволио. Если б жив был его отец, было бы не то.

Подумать можно, что нашей госпоже восемнадцать лет и что она ждет своего чинисбея!

Гермия. Но пока жива его мать, так будет, Мальволио. Кто велел вам следить за его поведением? Знайте: Челно на своем пути не должен видеть ни одного лица, которое могло бы показаться ему дурным предзнаменованием; он не должен слышать, как вы ворчите сквозь зубы, словно дворový пёс, грызущий кость, которую у него отнимают! Или — клянусь небом! — ни один из вас и почи не проведет под этим явром.

Мальволио. Я вовсе не ворчу; мое лицо — не злое предзнаменование; вы спрашиваете меня, в котором часу ушел мой господин, и я отвечаю вам, что он не возвращался. С тех пор как у него любовь на уме, его не увидишь и четырех раз в неделю.

Гермия. Почему на этих клямах пыль? Почему в его комнате мебель в беспорядке? Почему я сама должна вмешиваться во все, если чего-нибудь хочу добиться? Вы умеете рассуждать о том, что вас не касается, а свое дело делаете кое-как, и заботы, которые поручаются вам, падают на других! Ступайте и помешше разговаривайте!

Входит Челно.

Ну что, дорогое мое дитя, какие утехи ожидают вас сегодня?

Слуги удаляются.

Челно. Те же, что и вас, матушка. *(Садится.)*

Гермия. Как, мы будем делить утехи, но не печали? Это несправедливо, Челно. Пусть у вас будут тайны, дитя мое, но не такие тайны, которые терзают вам сердце и делают вас безучастным ко всему окружающему.

Челно. У меня нет тайн, а если б они и были, я хотел бы, чтобы они могли превратить меня в статую.

Гермия. Когда вам было десять — двенадцать лет, все ваши огорчения, все ваши маленькие горести были связаны со мной; от сурового или ласкового взгляда вот этих глаз зависела грусть и веселость ваших глаз, и тонкая нить связывала с сердцем вашей матери белокурую вашу головку. Теперь, дитя мое, я — только старая сестра и не в силах, быть может, облегчить ваши печали, но в силах разделить их.

Челно. Ведь и вы были прекрасны! Под серебряными волосами, окаймляющими это благородное чело, под этой длинной мантилей, скрывающей ваш стан, взгляд узнаёт еще величественную осанку королевы и грацию охотницы-Дианы. О мать моя, вы также впускали любовь! Под вашими полузатворенными окнами звучал рокот гитар; среди этих шумных

площадей, в водовороте этих празднеств протекала ваша беспечная гордая юность; сами вы не любил. Один из родственников моего отца погиб от любви к вам.

Гермия. Какое воспоминание ты будишь во мне!

Челио. О, если ваше сердце в силах перенести печаль, если это не исторгнет у вас слез, расскажите мне, матушка, расскажите все.

Гермия. В то время ваш отец еще ни разу не видел меня. Связанный родством с нашей семьей, он взялся просить за молодого Орсини, который хотел на мне жениться. Ваш дед принял его, как заслуживало того его достоинство, и сблизился с ним. Орсини был прекрасный жених, и все же я отказала ему. Отец ваш, прося за него, убил во мне и ту капельку любви, которую мне сумел внушить Орсини, два месяца неотступно ухаживая за мной. Я не подозревала, как страстно он любит меня. Когда ему передали мой ответ, он без чувств упал на руки вашего отца. Однако долгая разлука, путешествие, которое он затем предпринял и которое принесло ему значительные выгоды, все это должно было рассеять его тоску. Ваш отец поменялся с ним ролью и стал просить о том, чего не смог добиться для Орсини. Я полюбила его искренней любовью, а уважение, которое он внушал моим родителям, не позволило мне колебаться. Решение о браке приняли сразу же, а несколько недель спустя для нас открылись двери храма. В это время вернулся Орсини. Он пришел к вашему отцу, осыпал его упреками, обвинил его в том, что он обманул его доверие и стал причиной отказа, который ему пришлось пережить. «Впрочем, — прибавил он, — если вы желали моей гибели, вы будете удовлетворены». Испуганный этими словами, отец ваш пошел к моему отцу, прося его засвидетельствовать истину и вывести Орсини из заблуждения. Увы! Было уже поздно; несчастный юноша был найден в своей комнате, насквозь пронзенный острием шпаги.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

САД КЛАУДНО.

Входят Клаудно и Тибиа.

Клаудио. Ты прав, моя жена — сокровище целомудрия. Что еще я могу сказать тебе? Это — несокрушимая добродетель.

Тибиа. Вы думаете, синьор?

Клаудио. Разве она может запретить петь под своими окнами? Вспышки нетерпения, которые она позволяет себе дома, — следствие ее характера. Ты обратил внимание, что

ее мать, как только я коснулся этого вопроса, сразу же разделила мое мнение?

Т и б и а. Пасчет чего?

К л а у д и о. Насчет того, что поют под ее окнами.

Т и б и а. В песне нет беды, я сам всегда что-нибудь напеваю.

К л а у д и о. Но хорошо петь — это трудно.

Т и б и а. Трудно для вас и для меня, потому что природа не дала нам голоса, и мы никогда не развивали его; но посмотрите, как ловко справляются с этим актеры в театрах.

К л а у д и о. Эти люди всю жизнь проводят на подмостках.

Т и б и а. Как вы думаете, сколько платят в год?

К л а у д и о. Кому? Мировому судье?

Т и б и а. Нет, певцу?

К л а у д и о. Не знаю. Мировому судье платят треть того, что получаю я; советники юстиции получают половину.

Т и б и а. Если б я был королевским судьей, а у моей жены были любовники, я бы сам выносил им приговоры.

К л а у д и о. К скольким годам каторги ты бы их приговорил?

Т и б и а. К смертной казни. Смертный приговор — чудесная вещь, если читать его вслух.

К л а у д и о. Его читает не судья, а секретарь.

Т и б и а. У секретаря вашего суда хорошенькая жена.

К л а у д и о. Нет, это у председателя хорошенькая жена; я вчера у них обедал.

Т и б и а. У секретаря тоже; bravo, который придет сегодня вечером, — любовник жены секретаря.

К л а у д и о. Какой bravo?

Т и б и а. Которого вы велели позвать.

К л а у д и о. Ему незачем приходиться после того, что я сейчас сказал.

Т и б и а. Пасчет чего?

К л а у д и о. Пасчет моей жены.

Т и б и а. Вот она сама.

Входит Марианна.

М а р и а н н а. Знаете, что было со мной, пока вы бродили неизвестно где? Меня посетил ваш двоюродный брат.

К л а у д и о. Кто бы это мог быть? Назовите его имя.

М а р и а н н а. Оттавио. Он объяснился мне в любви от лица своего друга Челвио. Кто такой этот Челвио? Знаете ли вы его? Будьте добры, не позволяйте переступить порог этого дома ни ему, ни Оттавио.

К л а у д и о. Я знаю его; это сын Гермии, пашей соседки. Что вы на это ответили?

Марианна. Не важно, что я ответила. Вы поняли, что я сказала? Прикажите вашим слугам, чтоб они не впускали ни этого человека, ни его друга. Я жду от них какой-нибудь досадной дерзости и была бы рада ее избежать. (*Уходит.*)

Клаудио. Что ты скажешь на это, Тибиа? Тут кроется какая-то хитрость.

Тибиа. Вы думаете, сеньор?

Клаудио. Почему она не захотела сказать, что она ответила? Признание в любви — дерзость, это так; но ответ заслуживает того, чтобы его знать. Подозреваю, что всеми этими гитарами распоряжается Челио.

Тибиа. Запретить обоим этим людям входить в ваш дом — вот прекрасный способ их удалить.

Клаудио. Уж ты положишься на меня. Об этом открытии я должен сообщить моей теще. Полагаю, что моя жена меня надует и что вся эта история просто-напросто выдумана, чтобы ввести меня в обман и внести полное расстройство в мои мысли.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

УЛИЦА.

Входят Оттавио и Чиута.

Оттавио. Вы говорите, он отказывается от своего решения?

Чиута. Ах, этот бедный юноша! Любовь его бесиредельна, и тоска его сама не знает, какие желанья рождают ее. Я готова думать, что он сомневается в вас, во мне, во всем, что его окружает.

Оттавио. Нет, клянусь небом, я не отступлю; теперь я и сам — как Марианна, а в упрямстве есть наслаждение. Или Челио добьется удачи, или мое красноречие истощилось.

Чиута. Вы поступите против его воли?

Оттавио. Да, чтобы поступить, как того требует моя воля, эта старшая сестра, и чтобы послать к чертям сеньора Клаудио, судью, который мне внушает отвращение и которого я с головы до ног ненавижу и презираю!

Чиута. Так я передам ему ваш ответ, а сама уж не буду мешаться в это дело.

Оттавио. Я похож на игрока, который мечет банк за другого и которому не везет; он скорее готов погубить своего

лучшего друга, чем уступить, и досада от потери чужих денег воспламеняет его во сто раз сильнее, чем могла бы воспламенить его собственная неудача.

Входит Челлио.

Как, Челлио, ты отказываешься от своего намерения?

Челлио. Да что же мне делать?

Оттавио. Ты не доверишься мне? Что с тобой? Лицо твоё бледнее снега. Что с тобой творится?

Челлио. Прости меня, прости! Делай что хочешь, яди к Марианне. Скажи ей, что обман может меня убить и что моя жизнь — в ее очах. *(Уходит.)*

Оттавио. Это странно, клянусь небом!

Чинута. Тише! Звонят к вечерне; открылась калитка сада; вышла Марианна. Вот она медленно идет сюда.

Чинута удаляется, входит Марианна.

Оттавио. Прекрасная Марианна, вы будете спать спокойно. Сердце Челлио принадлежит другой, и уже не под вашими окнами будет он петь свои серенады.

Марианна. Какое несчастье, какая жалость, что я не ответила взаимностью на такую любовь! Вот как немилостива ко мне судьба. Я только что собиралась полюбить его.

Оттавио. Право?

Марианна. Да, клянусь, сегодня вечером или завтра утром, самое позднее — в воскресенье, он бы назвал меня своей. Да и кто бы не достиг успеха с таким посредником, как вы? Надо полагать, страсть его была чем-то вроде китайского или арабского языка, если ему нужен был толмач и если сама она не умела высказаться.

Оттавио. Смейтесь, смейтесь, мы вас больше не боимся.

Марианна. Или, может быть, любовь эта была бедным грудным младенцем, а вы, в роли разумной кормилицы, не дали ей упасть на голову, водя ее на помочах по всему городу.

Оттавио. Разумная кормилица удовольствовалась тем, что дала ему напиться молока, которым ваша кормилица поила вас, наверно, вволю; оно еще не высохло на ваших губах и применяется ко всем вашим словам.

Марианна. Как называется это чудесное молоко?

Оттавио. Равнодушие. Вы не можете ни любить, ни ненавидеть и подобны бенгальской розе без аромата и без шипов.

Марианна. Красиво сказано. Вы заранее приготовили это сравнение? Если вы не сжигаете червонки ваших речей, дайте их мне, я паучу этим речам моего попугая.

Оттавио. Что в моих словах могло вас оскорбить? Цветок, лишенный аромата, от этого не менее прекрасен; напротив,

такими создал бог самые прекрасные из них; и в десть, когда, подобно повой Галатее, вы превратитесь в мрамор в глубине храма, вы явитесь прелестной статуей, и эта статуя найдет себе достойный приют в нише какой-нибудь исповедальни.

М а р и а н н а. Дорогой мой кузен, неужели же участь женщины не внушает вам жалости? Смотрите — что мне выпало на долю: судьбе угодно было, чтобы Челно полюбил меня или решил, что он меня любит; Челно рассказывает об этом своим друзьям, а друзьям тоже угодно утверждать, что я, под страхом смертной казни, должна стать его любовницей. Пеанолитанская молодежь соблаговолила прислать мне, в вашем лице, своего достойного представителя, которому поручено сообщить мне, что я должна влюбиться в названного сеньора Челно и что мне дана неделя сроку. Взвесьте все это, прошу вас. Если я откажусь, что скажут обо мне? Не презреть ли заслуживает женщина, которая сразу же соглашается на подобное предложение и приходит в назначенный час? Разве о ней не будут всячески злословить, указывать на нее пальцами, и не станет ли ее имя припевом застольной песни? Если же, напротив, она откажется, то какому чудовищу уподобят ее? Найдется ли статуя, более холодная? И человек, который заговорит с ней, остановит ее среди площади, когда она идет с молитвенником в руке, не будет ли он иметь право сказать: вы — бенгальская роза без шипов и без аромата?

О т т а в и о. Сестра, сестра, не гневайтесь!

М а р и а н н а. Не смешно ли говорить о честности и супружеской верности, о воспитании, которое получила девушка, о гордом сердце, которому казалось, будто оно чего-нибудь стоит, и не смешно ли говорить, что, прежде чем развестись по ветру пыль любимого цветка, чашечку его должны омыть слезы, должен согреть солнечный луч и она должна раскрыться от прикосновения нежной руки? Разве все это — не сок, не мыльный пузырь, который от первого вздоха какого-нибудь щеголя должен расплыться в воздухе?

О т т а в и о. Вы несправедливо судите обо мне и о Челно.

М а р и а н н а. Да и что такое женщина? Минутная забава, хрупкая чаша, хранящая каклю росы, чаша, которую поднимают к устам и бросают через плечо. Женщина — это увеселительная поездка! Не скажут ли, повстречав женщину: «Вот идет прелестная ночь!» И не глушец ли тот, кто, увидев женщину, опустит глаза, кто шепотом скажет себе: «Вот, быть может, счастье целой жизни», и не остановит ее? *(Уходит.)*

О т т а в и о (один). Тра-ра, бум-бум! Тра-ри-ла-ла! Забавная бабенка! Эй! Кто там есть! *(Стучится в трактир.)* Припрости мне сюда, в эту беседку, бутылку чего-нибудь.

Слуга. Что вам будет угодно, сиятельный синьор? Хотите Лакрима Кристи?

Оттавио. Хорошо, хорошо. Подите-ка поищите в соседних улицах синьора Челио. Он в черном плаще и в штапах еще более черных. Вы ему скажете, что один из его друзей ищет Лакрима Кристи в полном одиночестве. А затем вы пойдете на Большую площадь и доставите сюда некую Розалинду — у нее рыжие волосы и она вечно сидит у окна.

Слуга уходит.

Не знаю, отчего так сжимается горло; я печален, как погребальное шествие. *(Идет.)* Я мог бы и пообедать здесь; вот уже смеркается. Динь-динь! Что за тоска — эта вечерня! Уже не хочется ли мне спать? Я цепенею.

Входят Клаудио и Тибиа.

Кузен Клаудио, вы — изящнейший судья; куда спешите вы столь резвым шагом?

Клаудио. Что хотите вы сказать, синьор Оттавио?

Оттавио. Хочу сказать, что вы судья, блестящий прекрасными формами.

Клаудио. Формами языка или формами тела?

Оттавио. Формами языка, языка. Ваш парик исполнен красноречия, и поги ваши — две очаровательные скобки.

Клаудио. Замечу вскользь, синьор Оттавио, что молоток у моей двери как будто бы обжег вам пальцы.

Оттавио. Каким образом, судья, преисполненный познаний?

Клаудио. Когда вы собирались дотронуться до него, кузен, преисполненный хитрости.

Оттавио. Не бойся же прибавить: преисполненный уважения, судья, к молотку у твоих дверей; но ты можешь выкрасить его, мне же нечего бояться, что я запачкаю пальцы.

Клаудио. Каким образом, кузен, преисполненный шутливости?

Оттавио. Я никогда и не дотронуся до него, судья, преисполненный колкостей.

Клаудио. Однако вам пришлось дотронуться до него, ведь моя жена наказала своим слугам при первом же случае захлопнуть дверь перед вашим носом.

Оттавио. У тебя близорукие очки, судья, преисполненный любезности; приветствие сказано не по адресу.

Клаудио. У меня превосходные очки, кузен, быстрый на ответы; разве ты не объяснялся в любви моей жене?

Оттавио. От чьего имени, прощательный жрец правосудия?

К л а у д и о. От имени твоего друга Челио, кузен; к несчастью, я все слышал.

О т т а в и о. Чьими ушами, неподкупный саповник?

К л а у д и о. Ушами моей жены, которая все рассказала мне, милейший волокита.

О т т а в и о. Так-таки все, обожаемый супруг? Ничего не застряло в этом прекрасном ушке?

К л а у д и о. Застрял ее ответ, о, прелестный завсегдадай трактиров, ответ, который я обязан вам передать.

О т т а в и о. Я не обязан выслушивать его, о дражайший протокол.

К л а у д и о. Значит, моя дверь собственной особой передаст его тебе, любезный любитель рулетки, если ты вздумаешь обратиться к ней за советом.

О т т а в и о. И не подумаю, о дражайший смертный приговор; для моего счастья это не требуется.

К л а у д и о. Да не омрачат его заботы, о дражайшая игральная кость! Желаю тебе всяческого благополучия.

О т т а в и о. На этот счет будь спокоен, о дражайший тюремный засов! Сон мой безмятежен, как судебное присутствие.

Клаудио и Тибиа уходят.

(Один.) Как будто я вижу там Челио. Челио! Челио! Черт возьми, на кого он сердится?

Входит Челио.

Ты знаешь, дорогой друг, какую шутку сыграла с нами твоя принцесса? Она все рассказала мужу.

Ч е л и о. Откуда ты знаешь?

О т т а в и о. Из самого надежного источника, какой только возможен. Я только что расстался с Клаудио. Марианна велит закрыть дверь перед нашим носом, если мы еще вздумаем докучать ей.

Ч е л и о. Ты только что видел ее; что она тебе сказала?

О т т а в и о. Ничего такого, что предвещало бы эту милую новость; но также ничего отрадного. Знаешь, Челио, брось ты эту женщину. Эй, второй стакан!

Ч е л и о. Для кого?

О т т а в и о. Для тебя! Марианна — педотрога; не помню толком, что она мне говорила утром; я стоял перед ней как дурак и не знал, что ответить. Полно же, ты больше и не думай об этом — решено? Небо да накажет меня, если я когда-нибудь заговорю с ней. Мужайся, Челио, больше не думай об этом.

Ч е л и о. Прощай, дорогой друг.

О т т а в и о. Куда ты?

Челно. У меня дела в городе.

Оттавио. У тебя такой вид, словно ты идешь топиться. Глоно, Челно, о чем ты думаешь? На свете есть другие Марианны. Поужинаем вместе, и наплевать на эту Марианну.

Челно. Прощай, прощай, я не могу остаться дольше. Мы увидимся завтра, друг мой. *(Уходит.)*

Оттавио. Челно, да послушай же! Мы пойдем тебе другую Марианну, милую, кроткую как ягненок, и, главное, она не будет ходить к вечерне. Ах, проклятые колокола! Когда они перестанут хоронить меня?

Слуга *(входит)*. Сеньор, рыжеволосой девицы не было у окна; она не может прийти на ваше приглашение.

Оттавио. Черт бы побрал весь мир! Неужели же мне сегодня суждено ужинать в одиночестве? Ночь примчалась на почтовых; черт возьми, как же мне быть? Хорошо же! Вот это — по мне. *(Пьет.)* Я могу утопить мою печаль в этом вине или хотя бы это вино — в моей печали. А, вечерня кончилась! Вот возвращается Марианна.

Входит Марианна.

Марианна. Все еще здесь, сеньор Оттавио, и уже за ужином? Это, пожалуй, прустно — пить в полном одиночестве?

Оттавио. Весь свет меня покинул; хочу достичь того, чтобы у меня двоилось в глазах, хочу сам быть своим собутыльником.

Марианна. Как! Ни друга, ни любовницы, которая облегчила бы вам страшную тяжесть этого бремени — одиночества?

Оттавио. Сказать ли вам правду? Я послал за некой Розалиндой, моей любовницей, а она обедает в гостях, как порядочная женщина.

Марианна. Разумсется, это досадно, и в вашем сердце, верно, — страшная пустота.

Оттавио. Пустота, которую я не сумел бы описать и которой я напрасно пытаюсь поделиться с этой широкой чашей. Вечерний звон оглушил меня на долгие часы.

Марианна. Скажите, кузен, вы пьете вино по пятнадцати сольдо бутылка?

Оттавио. Да вы смеетесь; это же — слезы самого Христа.

Марианна. Меня удивляет, что вы не пьете вино по пятнадцати сольдо, — умоляю вас, выйдите.

Оттавио. Простите, а зачем мне пить его?

Марианна. Попробуйте; я уверена, что нет никакой разницы.

Оттавио. Разница такая же, как между солнцем и ффарем.

Марианна. Нет, уверяю вас, это одно и то же.

Оттавио. Боже избави! Или вы шутите надо мной?

Марианна. Вы находите, что разница велика?

Оттавио. Разумеется.

Марианна. Я думала, вино — то же, что и женщина. Разве женщина не драгоценный сосуд, запечатанный так же, как это грапеное стекло? И разве не заключено в ней уюение, божественное или низкое, смотря по его силе и его достоинствам? И разве нет среди женщин дешевых вин и слез Христовых? Чего же стоит ваше сердце, если ваши уста берутся поучать его? Вы не станете пить вина, которое пьет народ, но вы любите женщин, которых он любит. Благородная, чудная влага этой бутылки, искрящейся золотом, эти волшебные соки, рожденные солнечным зноем и лавой Везувия, бросят вас, бесильного, шатающегося, в объятия куртизанки, а простое вино вам стыдно пить, вас от него тошнит. Ах! Ваши губы изнежены, но то, что пьянит ваше сердце, дешево стоит. Прощайте, кузен; желаю вам, чтобы Розалинда вернулась домой!

Оттавио. Умоляю — два слова, прекрасная Марианна, ответ мой будет краток. Как вы думаете, сколько времени надо ухаживать за этой бутылкой, чтобы добиться ее благосклонности? Она, как вы сказали, полна божественной влаги, и вино, которое пьет народ, так же похоже на нее, как крестьянин на своего господина. Однако смотрите, как она безропотна! Полагаю, она не получила никакого воспитания, у нее нет никаких взглядов; смотрите, как она покладиста! Одного слова было достаточно, чтобы вызвать ее из заточения; даже не стяхнув с себя пыли, она вырвалась, чтобы подарить мне несколько минут забвения и умереть. Ее девственный венец, обгранный душистым воском, распался в один миг, и, не скрою от вас, я чуть было не осушил ее до дна, прильнув к ней первым жгучим поцелуем.

Марианна. Уверены ли вы, что она стоит большего? Если бы вы были одним из ее истинных любовников и если бы тайна этой влаги была потеряна, спустились бы вы в пасть вулкана, чтобы снасти последнюю ее каплю?

Оттавио. Она стоит того, чего стоит, — не больше и не меньше. Она знает, что ее можно пить и что она создана для этого. Бог не скрыл источника ее на вершине неприступной скалы или на дне глубокой пещеры; он золотыми гроздьями развесил ее по краям наших дорог; и она делает то же, что делает куртизанки, — ловит руку прохожего; она в лучах солнца выставляет напоказ свои полные груди, и целые стаи пчел и шмелей с утра до вечера жужжат вокруг нее. Путник,

мучимый жаждой, может прилечь под сенью ее зеленых ветвей; она никогда не оставалась безучастной, никогда не отказывала ему в сладостных слезах, которыми полно ее сердце. Ах, Марианна! Красота — роковой дар. Добродетель, которой она гордится, — сестра скупости, и небо скорее простит ее слабость, чем ее жестокость. Прощайте, кузина; желаю, чтобы Челио забыл вас!

Уходит в трактир, Марианна — в свой дом.

СЦЕНА ВТОРАЯ
ДРУГАЯ УЛИЦА.

Челио, Чиута.

Чиута. Сильбор Челио, не доверяйте Оттавио. Не говорил ли он вам, что прекрасная Марианна закрыла для него дверь своего дома?

Челио. Ну да. Отчего же мне не доверять ему?

Чиута. Я только что, проходя сюда, видела его: он разговаривал с ней в беседке.

Челио. Что же в этом удивительного? Он, верно, подстерг ее и воспользовался случаем, чтобы поговорить обо мне.

Чиута. Я хочу сказать, что они разговаривали дружелюбно, как люди, во всем согласные друг с другом.

Челио. Ты уверена в этом, Чиута? Тогда — я счастливейший из смертных; значит, он со всей горячностью взялся за мое дело.

Чиута. Судьба да будет милостива к вам. (*Уходит.*)

Челио. Зачем не родился я во времена турниров и сражений? Если бы я мог носить цвета Марианны и обогреть их своей кровью! Если бы я должен был бороться с соперником или сражаться с целой армией! Если бы, жертвуя моей жизнью, я мог принести ей какую-нибудь пользу! Но я умею только действовать — и не могу говорить. Язык не слушается моего сердца, и я мог бы умереть, как исмой в заточении, не попятый никем.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ
У КЛАУДИО.

Клаудио, Марианна.

Клаудио. Вы, кажется, привимаете меня за чучело и полагаете, что я существую на свете только для того, чтобы служить пугалом для птиц.

М а р и а н н а. Откуда взялась у вас эта изящная мысль?

К л а у д и о. Неужели вы думаете, что уголовный судья не знает цену словам и что, рассчитывая на его доверчивость, его можно дурачить, как какого-нибудь бродячего пиясуна?

М а р и а н н а. На кого вы злитесь?

К л а у д и о. Вы думаете, я не слышал ваших собственных слов: если этот человек или его друг придет к моему дому, дверь будет закрыта для него? И вы, не стесняясь, разговариваете с ним в беседке возле трактора, вечером, и думаете, что я не увижу в этом ничего неприличного!

М а р и а н н а. Вы видели меня в беседке?

К л а у д и о. Да, да, видел, вот этими самыми глазами, в беседке возле трактора: беседка возле трактора — вовсе не место для разговоров с женой должностного лица, и не к чему запираť двери своего дома, если не стыдишься сама выбегать на улицу.

М а р и а н н а. С каких это пор я не смею разговаривать с вашим родственником?

К л а у д и о. Если этот родственник — один из ваших любовников, не мешает воздержаться от этого.

М а р и а н н а. Оттавио! Один из моих любовников? Вы лишились рассудка? Он в жизни ни за кем не ухаживал.

К л а у д и о. Он человек порочный. Он пьяница и гуляка.

М а р и а н н а. Тем меньше оснований считать его «одним из моих любовников», как вы весьма изящно выразились. Просто мне угодно было поговорить с Оттавио в беседке у трактора.

К л а у д и о. Постарайтесь не доводить меня до какой-нибудь крайности, досадной для вас, и подумайте о том, что делаете.

М а р и а н н а. До какой же крайности могу я вас довести? Хотелось бы мне знать, на что вы решитесь.

К л а у д и о. Я запретил бы вам видеться и разговаривать с ним, будь то у меня в доме, будь то в доме какой-нибудь другой особы или на улице.

М а р и а н н а. Ну, ну, скажите, какие новости! Оттавио — мой родственник в такой же мере, как и ваш; я буду разговаривать с ним, когда мне угодно, на улице или в каком-нибудь другом месте, и даже в этом доме, если он пожелает сюда прийти!

К л а у д и о. Не забывайте, что вы сейчас сказали. У меня для вас найдется примерное наказание, если вы поступите против моей воли.

М а р и а н н а. Примиритесь с тем, что я буду поступать по своей воле. Очень меня это пугает!

К л а у д и о. Марианна, прервем этот разговор. Или вы дожины будете повянуть, как неприлично разговаривать в беседке, или заставите меня совершить насилие, несовместимое с моим званием. *(Уходит.)*

М а р и а н н а *(одна)*. Эй, есть тут кто-нибудь!

Входит слуга.

Вот видите, на той улице, в беседке за столом сидит молодой человек? Пойдите, скажите ему, что мне надо с ним поговорить и что я прошу его зайти ко мне в сад.

Слуга уходит.

Вот мило! За кого меня принимают? Что тут дурного? Но в каком я виде! На мне ужасное платье! Что все это значит? Вы заставите меня совершить насилие! Какое насилие? Я хотела бы, чтобы моя мать была здесь! Да нет! Она с первого же слова соглашается с ним. Я рада была бы побить кого-нибудь. *(Опрокидывает стулья.)* Ах, право, я ведь глупая! Вот идет Оттавио. Хотелось бы мне, чтобы они встретились. Ах, так, значит, это и есть начало! Мне это предсказывали. Я так и знала. Я этого ожидала! Терпение! Терпение! Он мне готовит кару, и какую, а? Очень хотелось бы мне знать, что он имеет в виду!

Входит Оттавио.

Садитесь, Оттавио, мне надо с вами поговорить.

О т т а в и о. Куда же прикажете мне сесть? Все стулья — вверх ногами. Что тут случилось?

М а р и а н н а. Ничего.

О т т а в и о. Право же, кузина, ваши глаза говорят совсем противоположное.

М а р и а н н а. Я подумала о том, что вы мне говорили о вашем друге Челно. Скажите, отчего он не объяснится со мною сам?

О т т а в и о. По очень простой причине: он вам писал, а вы рвали его письма; он к вам послал кого-то, и вы запретили посланному говорить; он пел вам серенады, вы оставляли его стоять на улице. Ну вот, он отчаялся, махнул на все рукой, да и могло ли быть иначе?

М а р и а н н а. Это значит — он решил обратиться к вам?

О т т а в и о. Да.

М а р и а н н а. Ну, так говорите мне о нем.

О т т а в и о. Это вы серьезно?

М а р и а н н а. Да, да, вполне серьезно. Пожалуйста, я слушаю.

О т т а в и о. Вы смеетесь?

Марианна. Плохо же вы защищаете интересы вашего друга. Ну, говорите же: не все ли равно, смеюсь я или не смеюсь.

Оттавио. Что вы оглядываетесь по сторонам? Право же, вы сердитесь.

Марианна. Я хочу взять себе любовника, Оттавио... если не любовника, то по крайней мере кавалера. Что вы мне посоветуете? Я полагаюсь на ваш выбор: Челно или кто другой — мне безразлично; завтра же, нет, сегодня, первый, кому вздумается петь под моими окнами, найдет мою дверь приотворенной. Ну что же! Вы молчите? Говорю вам, я хочу взять себе любовника. Вот мой шарф, возьмите его в залог: тот, кому вы его отдадите, пусть его и принесет.

Оттавио. Марианна, что бы ни было причиной этой благосклонности, раз вы меня позвали и согласны выслушать, заклинаю вас небом, оставайтесь такою на один еще миг; позвольте мне сказать вам все. *(Бросается на колени.)*

Марианна. Что вы хотите мне сказать?

Оттавио. Если есть на свете человек, достойный узнать вас, достойный жить и умереть для вас, то человек этот — Челно. Я не многого стою и знаю себе цену, знаю, что страсть, о которой я говорю, находит в моем лице жалкого посредника. Ах! Если бы вам был ведом тот священный алтарь, который он воздвиг, поклоняясь вам, как божеству. Вы, такая прекрасная, такая юная, еще такая певучая, вы отдали старику, выжившему из ума и никогда не знавшему, что такое сердце! Если бы вы знали, какое сокровище счастья, какой источник блаженства таится в вас, таится в нем, в этой ясной, юной заре, в этой божественной росе жизни, в этом первом созвучии родственных душ! Я не говорю вам о его страдании, об этой нежной и тихой печали, которую не смогла отпугнуть вся ваша строгость и от которой он умирает без слова жалобы. Да, Марианна, он от нее умрет. Что я могу сказать вам? Что я могу изобрести, чтобы придать моим словам ту силу, которой им недостает? Мне незнаком язык любви. Загляните в вашу душу; в ней вы увидите отблеск его души. Есть ли возможность тронуть вас? Вы умсете молиться богу, скажите же, есть ли молитва, которая может выразить все то, чем полно мое сердце?

Марианна. Встаньте, Оттавио! Право, если бы кто-нибудь вошел сюда и услышал вас, он мог бы подумать, что вы молитесь о себе!

Оттавио. Марианна, Марианна! Заклинаю вас, не смейтесь! Не гасите в вашем сердце молнии, быть может впервые вслыхнувшей в нем. Этот проблеск доброты, этот драгоценный миг сейчас умчится. Вы произнесли имя Челно, вы подумали

о нем, не так ли? Ах! Пусть это всего лишь прихоть, не портите ее. От нее зависит счастье человека.

Марианна. Уверены ли вы, что я не должна улыбаться?

Оттавио. Да, вы правы, я понимаю, какой вред может принести моя дружба. Я знаю, кто я, я это чувствую; такие речи в моих устах кажутся насмешкой. Вы сомневаетесь в искренности моих слов: быть может, никогда еще мне не было так горько сознавать, как мало я внушаю доверия.

Марианна. Почему же? Вы видите, я слушаю. Но Челлио мне не нравится, его я не хочу. Говорите мне о ком-нибудь другом, о ком хотите. Выберите из ваших друзей кавалера, достойного меня; шлите его ко мне, Оттавио. Вы видите, я на вас полагаюсь.

Оттавио. О женщина! Трижды женщина! Челлио вам не нравится, но первый встречный вам понравится. Человек, который любит вас целый месяц, следует за вами по пятам и за одно ваше слово был бы рад умереть, он вам не нравится! Он молод, красив, богат и вполне достоин вас; но он вам не нравится, а первый встречный — понравится!

Марианна. Делайте, что я сказала, или не приходите больше. *(Уходит.)*

Оттавио. Прелестен твой шарф, Марианна, и эта маленькая вспышка гнева — очаровательный залог мира. Немного нужно гордости, чтобы понять тебя; достаточно и капли коварства. Но все-таки пусть это будет для Челлио и пойдет на пользу ему. *(Уходит.)*

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ

У ЧЕЛЛИО.

Челлио, слуга.

Челлио. Вы говорите, он внизу? Пусть идет сюда. Отчего вы не сразу привели его?

Входит Оттавио.

Ну что, мой друг, какие новости?

Оттавио. Навяжи себе этот лоскут на правую руку, Челлио, бери гитару и шагу. Ты — любовник Марианны.

Челлио. Заклинаю тебя, не смейся надо мною!

Оттавио. Ночь прекрасна; луна появится сейчас на горизонте, Марианна одна, и дверь ее полуоткрыта! Ты счастливец, Челлио!

Челно. Это правда? Правда? Или ты даришь мне жизнь, Оттавио, или в тебе пет жалости!

Оттавио. Ты еще не ушел? Говорю тебе, все условлено. Спой песню под ее окнами; прикройся плащом, чтобы соглядатаи ее мужа тебя не узнали. Будь бесстрашен, чтобы другим внушать страх, а если она будет сопротивляться, докажи, что поздновато думать об этом.

Челно. О боже! Силы покидают меня.

Оттавио. И меня тоже; я как следует не пообедал. В награду за мои труды вели перед уходом, чтобы мне дали поужинать. (*Садится.*) Есть у тебя турецкий табак? Ты, вероятно, застанешь меня здесь и завтра поутру. Ну, друг мой, в путь. Меня ты обнимешь, когда вернешься. В путь! В путь! Близится ночь.

Челно уходит.

Пусть эта почь, праведный боже, зачтется мне в твоём раю. А правда ли, что есть у тебя рай? Клянусь, эта женщина была прекрасна, и этот гнев был ей к лицу. Что возбудило его? Не знаю. Не все ль равно, каким образом падает костяной шарик рулетки на номер, который мы назначили? Отбить любовницу у приятеля — для меня это слишком пошлая проделка! Марианна ли, другая ль женщина — не все ли мне равно? Все дело в том, чтобы поужинать, а Челно ушел патоцкак, это ясно. Как бы ты меня возненавидела, Марианна, если бы я полюбил тебя! Как бы ты захлопнула свою дверь! Каким Адописом, каким Сильваном показался бы тебе, в сравнении со мной, твой мерзкий муж! И отчего все это так? По какой причине дым от этой трубки тянется направо, а не налево? Не те же ль причины и тут? Безумец, трижды безумец тот, кто рассчитывает свои поступки, кто следует советам разума! Божественное правосудие держит в руках весы. Весы — безусловно точные, но гири пустые внутри! В одной из них — монета, в другой — влюбленный вздох, в третьей — мигрень, в четвертой — ведро иль ненастье, и все человеческие деяния поднимаются и опускаются по прихоти этих гирь.

Слуга (*входит*). Слпбор, вам письмо; оно такое спешное, что ваши слуги принесли его сюда; велено отдать его вам в руки, где бы вы ни находились.

Оттавио. Посмотрим-ка. (*Читает.*) «Не приходите сегодня, муж окружил наш дом убийцами, и вы погибли, если они вас увидят. *Марианна*». О я, несчастный, что я наделал? Где мой плащ? Где шляпа? Дай бог, чтобы я поспел вовремя! Следуйте за мной, вы и все, кто тут есть. Дело идет о жизни вашего господина. (*Убегает.*)

СЦЕНА ПЯТАЯ
САД КЛАУДИО. ПОЧЬ.

Клаудио, двое браво, Тибиа.

Клаудио. Впустите его и бросайтесь, как только он дойдет до этих деревьев.

Тибиа. А если он войдет с той стороны?

Клаудио. Тогда ждите его у стены, за углом.

Один из браво. Слушаюсь, синьор.

Тибиа. Вот он идет. Смотрите, синьор, какая огромная тень! Это человек большого роста.

Клаудио. Отойдем в сторону, а когда будет пора, накинемся на него.

Входит Челио.

Челио (*стучит в окно.*) Марианна! Марианна! Вы здесь? Марианна (*появляясь в окне.*) Бегите, Оттавио! Разве вы не получили моего письма?

Челио. Боже мой, чье имя я слышу!

Марианна. Дом окружен убийцами; муж видел, как вы входили ко мне; он слышал наш разговор; если вы останетесь здесь хоть минуту, смерть ваша неминуема.

Челио. Не сон ли это все? И разве я — не Челио?

Марианна. Оттавио, Оттавио! Заклинаю небом, не медлите! Может быть, вам еще удастся спастись! Завтра в полдень приходите в церковь, к исповедальне, я буду там.

Окно закрывается.

Челио. О смерть! Ты здесь, спаси же меня. Оттавио, изменник Оттавио! Кровь моя да падет на твою голову! Ты знал, какая участь ждет меня здесь, и ты послал меня вместо себя — так пусть исполнится твое желание. О смерть, открываю тебе мои объятия! Конец моим мучениям. (*Уходит.*)

Слышны заглушенные крики и отдаленный шум.

Оттавио (*с улицы.*) Отворите, или я выломаю двери!

Клаудио (*отворяет, держа в руке шпагу.*) Что вам надо?

Оттавио. Где Челио?

Клаудио. Не думаю, чтобы в его привычках было проводить ночь в этом доме.

Оттавио. Если ты убил его, Клаудио, берегись; я сверну тебе шею вот этими руками.

Клаудио. Вы — сумасшедший или лунатик?

Оттавио. Не сам ли ты таков, если расхаживаешь ночью со шпагой в руке?

К л а у д и о. Если вам угодно, поищите в саду, я никого не видал: а если бы кто и захотел войти, я, кажется, вправе не отворять ему.

О т т а в и о (*своим слугам*). Сюда, общите весь сад!

К л а у д и о (*тихо к Тибиа*). Все ли сделано так, как я приказал?

Т и б и а. Да, сеньор, будьте спокойны; они могут искать сколько им угодно.

Все уходит.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

КЛАДБИЩЕ.

О т т а в и о и М а р п а н н а у могилы.

О т т а в и о. Я один знал его. Эта белая урна под траурной дымкой своего покрова являет нам верный его образ. Тихая грусть точно так же скрывала совершенства этой нежной и кроткой души. И только для меня эта молчаливая жизнь не была загадкой. Наши долгие беседы по вечерам — словно прохладный оазис в знойной пустыне; они одни освежали росой мое сердце. Челно был лучшей частью моей души, вместе с ним она улетела на небеса. Это был человек из иного мира; он знал наслаждения и предпочитал им одиночество; он знал, как обманчивы мечты, но мечты свои предпочитал действительности. Как счастлива была бы женщина, полюбившая его!

М а р п а н н а. А не была бы счастлива женщина, полюбившая вас, Оттавио?

О т т а в и о. Любить я не умею; один Челно умел любить. Прах, покоящийся в этом гробу, это все, что я любил на земле, все, что я буду любить. Он один умел вливать в душу другого те дары счастья, которые таились в его душе. Он один был способен на безграничную преданность; он один посвятил бы любимой женщине всю свою жизнь и так же легко отдал бы жизнь ради этой женщины. Я всего лишь бездушный развратник, я не уважаю женщин; любовь, которую я внушаю им, похожа на ту, которую я чувствую сам, — ошьяненное мимолетной грезой. Мне неведомы тайны, которые он знал. Моя веселость — словно личина фигляра, но и она не так истаскана, как мое сердце; мои приглушенные чувства хотят сбросить ее. Я всего только трус; смерть его не отмщена.

М а р п а н н а. Но это было бы возможно лишь ценою вашей жизни! Клаудио слишком стар, чтобы принять вызов, и слишком могуществен в этом городе, чтобы сколько-нибудь бояться вас.

Оттавио. Челио отомстил бы мою смерть, если бы я умер за него, как он умер за меня. Эта могила — моя; это я лежу под этим холодным камнем; шпаги они точили, чтобы убить меня, и они убили меня. Прости же, веселье моей юности, безумная беспечность, свободная и радостная жизнь у подножия Везувия! Простите, шумные пиры, вечерние беседы, серенады под золочеными балконами! Прости, Неаполь, простите неаполитанские жепы, маскарады при свете факелов, долгие ужины в тени лесов и дружба! Нет мне места на земле.

Марианна. Но есть в моем сердце, Оттавио. Зачем ты говорил: прости, любовь!

Оттавио. Я вас, Марианна, не люблю; вас любил Челио!